

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

К. С. Гончарова¹

Югорский государственный университет
(Ханты-Мансийск, Россия)

А. Г. Шеломенцев²

Югорский государственный университет
(Ханты-Мансийск, Россия)

УДК: 332.01

АНАЛИЗ КАТЕГОРИИ ПРОСТРАНСТВА В ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ³

Пространство является одной из ключевых и дискуссионных (в содержательном отношении) категорий в экономической науке. Принято считать, что методологической основой концепции пространственного развития и, соответственно, самого понятия пространства являлись классические (меркантилизм) и неоклассические (теории ценообразования) теории. Однако до сих пор широко обсуждаемым остается понимание его природы, а также роли в формировании и преобразовании действующих в современном мире социально-экономических отношений. Ключевым методом анализа в статье являлся метод семантического анализа. Авторами сделана попытка, с одной стороны, раскрыть ретроспективную трансформацию понятия пространства, с другой, — определить ключевые теоретико-методологические подходы к данному явлению в современных исследованиях. В результате проведенной работы авторами был сделан ряд выводов. Во-первых, определен синтетический характер эволюции понятия, заключающийся в своеобразной абсорбции предлагаемых ранее моделей и положений, описывающих пространство. Во-вторых, выявлены основные подходы к исследованию пространства, критерием для определения которых выступал характер социально-экономических отношений, формируемый экономическими агентами, а также процессами, которые данные агенты реализуют в различных пространствах. В-третьих, авторами было обосновано, что современная концепция социально-экономического пространства позволяет более широко описать взаимодействия экономических агентов в транслокационном аспекте. Таким образом,

¹ Гончарова Ксения Сергеевна — к.э.н., Институт цифровой экономики, ФГБОУ ВО «Югорский государственный университет»; e-mail: ksenia.gon4arowa@gmail.com, ORCID: 0000-0003-2381-3322.

² Шеломенцев Андрей Геннадьевич — д.э.н., профессор, Институт цифровой экономики, ФГБОУ ВО «Югорский государственный университет»; e-mail: a.shelom@gmail.com, ORCID: 0000-0003-1904-9587.

³ Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках научного проекта № 22-28-01702 «Экспериментальные траектории процессов пространственной конвергенции и дивергенции доходов населения регионов России в условиях их адаптации к динамичным изменениям».

научная значимость проведенного исследования состоит в расширении знаний о подходах к определению категории пространства, а также его анализу в современных экономических исследованиях.

Ключевые слова: экономическое пространство, пространственная экономика, теории пространственного развития, региональная экономика, эволюция концепции пространства, семантический анализ.

Цитировать статью: Гончарова, К. С., & Шеломенцев, А. Г. (2022). Анализ категории пространства в экономических исследованиях. *Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика*, (5), 22–41. <https://doi.org/10.38050/01300105202252>.

K. S. Goncharova

Yugra State University (Khanty-Mansiysk, Russia)

G. Shelomentsev

Yugra State University (Khanty-Mansiysk, Russia)

JEL: R10, B40

THE ANALYSIS OF SPACE CATEGORY IN ECONOMIC STUDIES¹

Space is one of the key and controversial (in terms of content) categories in economics. It is assumed that the methodological basis of spatial development concept, and, correspondingly, the very concept of space itself are classical (mercantilism) and neoclassical (price theory) theories. However, until now the understanding of its nature and its role in creating and transforming modern socio-economic relations remains a debatable issue. The key method of analysis in this work is semantic analysis. The Authors attempt, on the one hand, to reveal a retrospective transformation of space concept, and on the other, to identify the key theoretical and methodological approaches to this phenomenon in modern research. The analysis results in a number of valuable findings. First, the authors identify a synthetic nature of concept evolution, which consists in a specific absorption of previously proposed models and space describing provisions. Secondly, the authors identify the main approaches to space study, for which the determining criterion is the nature of socio-economic relations formed by economic agents, and the processes that these agents implement in various spaces. Thirdly, the authors prove that modern concept of socio-economic space allows for a broader description of interactions of economic agents in translocation aspect. Thus, the scientific significance of the research consists in expanding knowledge approaches to defining the category of space, as well as its analysis in modern economic research.

Keywords: economic space, spatial economics, theories of spatial development, regional economy, evolution of a concept of space, semantic analysis.

¹ The study was financially supported by the Russian Science Foundation as part of a research project № 22-28-01702 “Experimental trajectories of convergence and divergence of Russian population’s spatial income differentiation in the context of adaptation to dynamic changes”.

Введение

Исследуемые в экономической науке явления и процессы традиционно рассматриваются в контексте определенного пространства — физического (например, региона, страны или их группы) или виртуального (например, единого валютного пространства). Одним из оснований сложившейся практики является положение, что анализ вне пространства не считается в полной мере удовлетворительным, так как лишен одного из ключевых научных принципов — верифицируемости, который преимущественно может быть определен конкретными пространственными характеристиками — природно-климатическими, политическими, социокультурными, демографическими и т.д.

В то же время апелляция к категории пространства в работах отечественных и зарубежных ученых зачастую употребляется в качестве синонима понятия региона, что в итоге, по нашему мнению, обедняет его теоретико-методологическое содержание и не позволяет раскрывать отдельные аспекты его исследования. Соответственно, целью статьи является определение основных подходов к его анализу в контексте эволюции употребления, с одной стороны, и уточнение понятия пространства, — с другой.

История исследований пространства в экономической науке

В экономической науке сложилось два основных подхода к обозначению исходной точки периодизации исследований явления «пространство»: первый — XVIII в. — работы В. Н. Татищева, М. В. Ломоносова (Россия) (Саушкин, 1973), Р. Кантильона (Франция) (Hebert, 1981; Ekelund, & Shieh, 1986); второй — вторая четверть XIX в. — издание «Изолированного государства» И. Тюнена (Германия) (Blaug, 1979; Ponsard, 1983). В то же время большинство ученых сходятся во мнении, что отдельные положения будущей теории экономического пространства¹ могут быть найдены уже в работах экономистов XVI в. Так, по замечанию К. Понсарда, «еще в XVI в. веке в экономической литературе обсуждался ряд постоянных проблем, таких как отношения между сельскими и городскими районами, расположение и размеры городских центров, отрас-

¹ Здесь под теориями экономического пространства, или пространственного развития, мы понимаем совокупность разнородных экономических теорий, в объект внимания которых включены вопросы исследования закономерностей географического распределения и жизнедеятельности на отдельных территориях экономических агентов и объектов экономической деятельности.

лей промышленности и сельскохозяйственных районов, роль и важность средств и путей сообщения, структуры внутренней и внешней торговли, географическое распределение населения и богатства и т.д.» (Ponsard, 1983, р. 5). Однако, несмотря на то что в рассуждениях ученых XVI—XVIII вв. прослеживаются положения работ более ранних авторов, остается оригинальной сама трактовка понятия пространства.

Этап активизации интереса к пространственным аспектам в экономике принято относить на первую половину XX в. Его связывают с работами немецких ученых — А. Вебера (опубликовавшем в 1909 г. теорию размещения промышленности), А. Пределя, В. Кристаллера, А. Лёша (представившем в 1940 г. монографию «Пространственная организация хозяйства»), а также исследованиями шведского экономиста Т. Паландера. В данном аспекте представляет интерес замечание М. Блауга о наличии в указанный период своеобразной «монополии мысли» немецких авторов в области разработки и уточнения положений пространственной теории (Blaug, 1979). Несмотря на то, что данное мнение оспаривалось Р. Экелундом и У. Шайем (Ekelund, Shieh, 1986), косвенным подтверждением его справедливости может являться отсутствие пространственных аспектов в значимых для науки работах классических и ранних неоклассических британских и американских экономистов (Enke, 1942; Isard, 1949).

В России указанный этап (первая половина XX в.) естественно раскладывается на два периода. Первый период — до 1917 г. (Российская империя), характеризуется западноевропейским (гносеологическим) подходом, где внимание ученых в большей степени было сосредоточено на описательном характере закономерностей развития явлений и процессов, происходящих в социально-экономическом пространстве. Здесь можно выделить работы К. И. Арсеньева, П. П. Семенова-Тян-Шаньского, Н. П. Огарева, Д. И. Менделеева (Саушкин, 1973) (в работах последних двух ученых присутствуют элементы обоих этапов, но по времени проведения исследований корректнее отнести их к первому). Второй период — после 1917 г. (СССР), связан с практико-преобразовательной направленностью проводимых исследований А. А. Рыбникова, С. В. Бернштейн-Когана, Н. Н. Баранского, Н. Н. Колосовского и других советских ученых.

Следующий период, который может быть определен временными рамками, — вторая половина XX в., характеризуется, на наш взгляд, коренным переломом подхода к пониманию и анализу экономического пространства в западных странах. На данном этапе инициатива от немецких ученых переходит к исследователям из США (У. Айзард) и Франции (Ф. Перру, Ж. Будвиль, П. Бурдьё (социологический подход)). Здесь, несмотря на характерную для исследований экономического пространства черту преемственности положений (в основном неоклассических), осуществляется критическое переосмысление целей и объектов анализа в контексте набирающего популярность неолиберального подхода.

Так, если работы западных ученых были преимущественно направлены на описание *закономерностей развития* отдельных объектов сельскохозяйственного (И. Тюнен) и промышленного (А. Вебер) производства (интеграция исследования обоих направлений представлена в подходах В. Кристаллера и А. Лёша), то научный интерес У. Айзарда и, в особенности, Ф. Перру и Ж. Будвиля вызывают вопросы обоснования *оптимальности и неравномерности развития территорий* (в том числе и на глобальном уровне), а также возможности их институционального регулирования.

Несмотря на то, что в моделях пространственного развития В. Кристаллера и А. Лёша уже присутствует констатация наличия иерархичного соподчинения между объектами, в работе У. Айзарда «Размещение и пространственная экономика» акцент переносится на *оценку* взаимосвязи между объектами данной иерархии, а также на ее (взаимосвязи) динамичный характер (в систему «пространства» добавляется вектор времени) (Isard, 1956). Аспекты взаимозависимости и неравномерности развития объектов с добавлением в систему элемента управления присутствуют и в теории полюсов роста (Boudeville, 1968).

Помимо этого, в анализе пространства наблюдается переход от национального к межнациональному и глобальному уровням (в том числе и тому, что сегодня мы называем глобальными цепочками добавленной стоимости (ГЦДС)). Это подтверждается, с одной стороны, тезисом Ф. Перру о том, что «за исключением случая интегрального планирования *национальное пространство представляет собой сложную сеть национальных и международных рынков*, разграниченных по категориям благ и услуг и цен, устанавливаемых в национальном пространстве, внешних пространствах, а также в пространствах экономических планов правительства и граждан» (Перру, 1950, с. 91); с другой стороны, изменением смыслового содержания самого понятия пространства — от замкнутой, абстрактной территории, на которой осуществляется некая экономическая деятельность (И. Тюнен (Тюнен, 1926), А. Вебер (Weber, 1929)), или отдельных рыночных зон (А. Лёш (Лёш, 2007)) к *смежным, взаимосвязанным* географическим локациям, внутри которых распределены экономические ресурсы и результаты экономической деятельности (У. Айзард (Isard, 1956)), а также целостной системе экономических отношений между экономическими элементами, включая ее формальное описание (Ф. Перру (Perroux, 1950), Ж. Будвиль (Boudeville, 1966)).

В работах советских ученых на данном этапе продолжала развиваться (преимущественно до середины 60-х гг. XX в.) теория экономического районирования, где пространство рассматривалось в аспекте *сбалансированного* социально-экономического единства отдельных территорий страны, каждая из которых имеет свою специализацию, исходя из природного сочетания «энергетических и сырьевых ресурсов, а также общих экономико-географических и транспортных условий» (Колосовский, 1969, с. 251). Более того, в аспекте предложенной С. Ныммик концепции тер-

риториальных социально-экономических комплексов феномен национального пространства в отечественной экономической науке дополняется нематериальными — социокультурными аспектами (Ныммик, 1981). После возврата от территориального принципа управления экономикой к отраслевому (1965 г.), а также вследствие роста значимости новосибирской научной школы (ИЭОПП СО РАН) концепция пространства в значительной степени сузилась и формализовалась (в виде экономико-математического подхода, заключавшегося в моделировании процессов пространственного развития). Так, А. Г. Гранберг определял экономическое пространство как насыщенную территорию, вмещающую «множество объектов и связей между ними: населенные пункты, промышленные предприятия, хозяйственно освоенные и рекреационные площади, транспортные и инженерные сети и т.д. Каждый регион имеет свое внутреннее пространство и связи с внешним пространством» (Гранберг, 2003, с. 25). В свою очередь, к ключевым характеристикам пространства ученый относил следующие количественные параметры: плотность, размещение, связанность, расстояние.

С 90-х гг. XX в. по настоящее время понимание феномена пространства продолжает свою дальнейшую трансформацию, становясь в понимании ученых все более глобальным и естественно неравномерным, причем последнее стало рассматриваться как необходимый потенциал роста национальных экономик. Так, в рамках сформулированной П. Кругманом, М. Фуджита и Э. Венейблсом концепции новой экономической географии (НЭГ) признаком отнесения к категории «пространство» является критерий дискретности: «В зависимости от того, что мы пытаемся смоделировать, иногда удобно представлять экономику как состоящую из конечного набора местоположений (регионов или стран), иногда думать о ней как о распространении в непрерывном пространстве» (Fujita, Krugman, & Venables, 1999, p. 49). При этом непрерывностью, по мнению разработчиков теории, обладают *относительно малые* (по сравнению с национальным уровнем) *пространственные объекты*, такие как города, агломерации: «Граница между региональной и городской экономикой в лучшем случае размыта. Тем не менее <...> мы в основном сосредоточились на экономиках с небольшим количеством отдельных местоположений, а не на непрерывном пространстве, которое обычно предполагают разработчики городских моделей», и далее: «*Пространственные городские модели*, по-видимому, неизбежно требуют больше алгебраической работы, чем *региональные модели*» (Fujita, Krugman, Venables, 1999, p. 119), а также объекты глобального уровня, например «глобальная специализация и торговля» (Fujita, Krugman, Venables, 1999, p. 325). Авторы теории признают закономерность *неравномерного социально-экономического развития и возможность его сокращения посредством глобальной интеграции*: «Неравномерное развитие, возможно, было предсказуемым следствием растущей мировой интеграции. Что еще более интересно, тот же анализ предпола-

гает, что недавнее сокращение разрыва в доходах между развитыми странами и (некоторыми) развивающимися странами может быть частично обусловлено продолжением той же тенденции к интеграции: снижение торговых издержек сначала приводит, а затем устраняет глобальное неравенство наций» (Fujita, Krugman, Venables, 1999, p. 259–260).

По мнению Дж. Уилсона, положения НЭГ стали теоретической основой деятельности Всемирного банка. Автор утверждает: «Новый пространственный подход Всемирного банка к развитию *отвергает любые попытки более равномерно распределить экономическую деятельность в пространстве*. Вместо этого он явно способствует усилению неравномерного географического развития за счет строительства “пространственно связанной инфраструктуры” и “высвобождения рыночных сил агломерации”. Противодействовать этому процессу, утверждается в Докладе (Всемирного банка. — *Прим. авт.*), означало бы “бороться с самим *ростом*”» (Wilson, 2011, p. 384).

Действительно, в докладах Всемирного банка эксперты зачастую прямо или косвенно обращаются к подходу, где в центре внимания оказываются пространственные факторы, называемые в теории НЭГ факторами первой (все «фиксированные», природные аспекты конкретного места — климат, природные ресурсы, экология и др.) и второй («динамические», антропогенные характеристики места, включая уровень промышленной концентрации, логистического развития территории, его миграционную привлекательность, уровень развития человеческого капитала и др.) природы (Krugman, 1993; Lin, & Rauch, 2020). Помимо этого, в докладах экспертов международной организации важное место в контексте исследований пространственного развития отводится вопросам его взаимосвязи с общенациональным и глобальным экономическим ростом: «Там, где обеспечивается экономический рост, процессы сближения показателей уровня жизни начинают превосходить процессы расхождения. Страны становятся одновременно более пространственно эффективными и справедливыми. Вызов развития состоит в институционаровании политики, позволяющей и даже поощряющей “несбалансированный” экономический рост, тем не менее позволяющей обеспечить в итоге географически сбалансированное развитие» (World Development Report, 2009, p. 39).

В то же время для определения понятия пространства эксперты Всемирного банка используют политико-географический подход, согласно которому указанное явление рассматривается как совокупность территорий, определенных политическими границами. При этом выделяются три уровня пространства: локальное (район, муниципалитет), национальное (страна как совокупность территорий внутри нее (областей, краев и т.д.)), международное (регион как группа стран). Для характеристики пространства предлагается использовать следующие критерии: мера плотности (уровень интенсивности экономической активности на единицу площади), расстояние («затраты на преодоление пути до зоны эконо-

мической плотности»), степень разобшенности (религия, этническая принадлежность, язык и др.) (World Development Report, 2009, p. 36–39; O’Loughlin, Toal, & Chamberlain-Creangă, 2013).

По нашему мнению, преимуществом подхода исследования пространства, используемого в теории НЭГ и, соответственно, Всемирным банком, является, с одной стороны, его многоаспектность (относительно рассматриваемых факторов пространственного развития); с другой, — конкретность и измеримость. В настоящее время его можно считать доминирующим в современной экономической науке (работы Н. В. Зубаревич (Зубаревич, 2020), А. У. Эндо, Л. Бейлиса (Ando, Baylis, 2014), С. Рамеша (Ramesh, 2017), З. Элбурза, К. Коуртита, П. Ниджкампа (Elburz, Kourtit, Nijkamp, 2021)).

В некоторой степени альтернативной НЭГ является подход отечественных исследователей, внимание которых акцентируется, во-первых, на социальных аспектах сущности пространства (определение экономического пространства как системы взаимодействий экономических агентов (индивидов или их групп), данное П. А. Минакиром и А. Н. Демьяненко (Минакир, Демьяненко, 2014), а также понимание экономического пространства как субъективно сконструированной части физического пространства, отражающей «территориально обособленный и локализованный во времени процесс транзакций между экономическими агентами, формируемый на основе реализации их экономических интересов» (Трансформация..., 2020, с. 57), предложенное Р. Г. Сафиуллиным; в аналогичном контексте экономическое пространство также представлено в исследованиях Е. Г. Анимичи и Н. М. Сурниной (Анимича, Сурнина, 2006)); во-вторых, на отрицательных для национального развития последствиях растущей неравномерности пространства (исследования Т. П. Скуфьиной (Скуфьяина, 2013), С. А. Суспицина (Суспицын, 2006)).

Таким образом, на основе представленного ретроспективного анализа понятия «пространство» в исследованиях отечественных и зарубежных экономистов можно заключить, что его значение в существенной степени трансформировалось: от замкнутой территории с определенной экономической специализацией (сельскохозяйственной или промышленной) к открытой многоуровневой социально-экономической системе взаимосвязей между экономическими агентами. Эволюцию содержания рассматриваемого понятия можно представить в виде спирали (рис. 1). Вследствие того, что к настоящему времени исследователи в основном работают в рамках западных концепций пространства, на рис. 1 отражены представления их основоположников. При этом следует отметить, что преимущество западных концепций в отечественной науке в настоящее время может быть обосновано идеологической несовместимостью подходов к пространственному развитию советских ученых (заключающегося в разработке и реализации стратегии комплексного экономического, социального и культурного развития территорий) и современной

государственной политики России (направленной, по факту, на дальнейшее экономическое развитие отдельных территорий)).

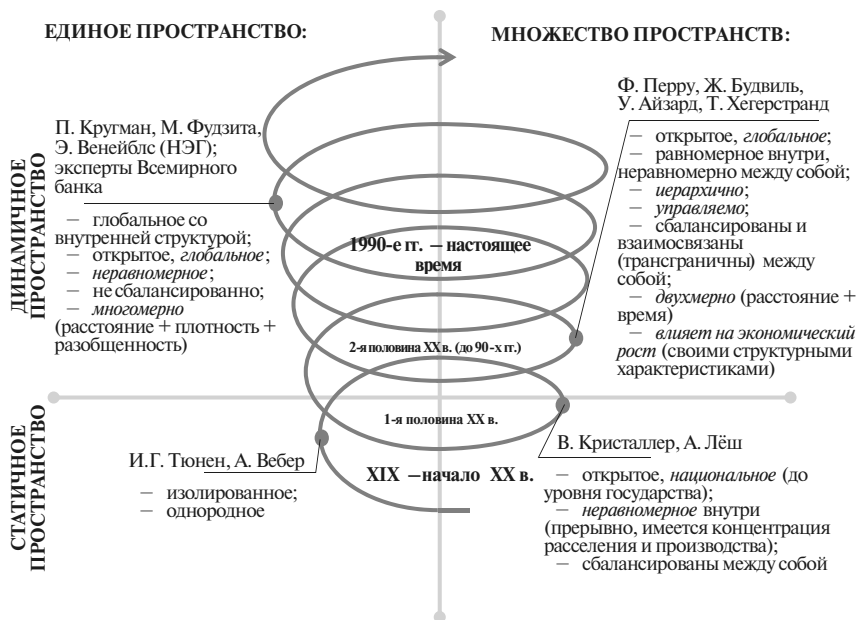

Рис. 1. Эволюционная спираль подходов к пониманию пространства в работах зарубежных экономистов
Источник: составлено авторами.

Согласно представленной на рис. 1 спирали временем перехода от единого и преимущественно однородного пространства, описывающего взаимоотношения между населенными пунктами, или производствами, можно считать первую половину XX в. С указанного периода в исследованиях анализ перемещается с локального (географически неопределенного) на открытый национальный уровень. При этом последний представляет собой сбалансированную взаимосвязанную систему подпространств, которые, в свою очередь, внутри себя уже не являются однородными (включение в анализ аспекта неоднородности). В описываемый период (до середины XX в.) пространство остается статичным, характеризуемым в основном параметром длины (расстояния), что выражалось в виде показателя суммы транспортных издержек. Во второй половине XX в., с развитием альтернативных немецкой научных школ осуществляется переход на новый, глобальный пространственный уровень. Здесь подпространствами уже становятся страны, а ключевыми аспектами анализа — неравенство между ними, их иерархия (возникающая вследствие наличия неравен-

ства) и управление пространственным развитием (появляется в контексте констатации наличия иерархии в системе). Важным шагом на данном этапе является переход от понимания пространства как объекта, формируемого (под воздействием различных факторов — социально-экономических, национально-культурных и проч.), к объекту, который сам определяет и формирует экономическую динамику. Помимо этого, со второй половины XX в. изменяется размерность пространства — добавляя вектор времени, ученые сделали его многомерно динамическим.

Далее, в конце XX в. понимание пространства в экономической науке по факту вернулось к концепции его целостности (единства). Однако в отличие от начала XX в. указанное единство представляет собой сложную многомерную иерархичную систему. Элементы данной системы являются взаимосвязанными, но их социально-экономическое развитие неоднородно. Последнее становится ключевым направлением современных исследований, наряду с оценкой взаимосвязи неравномерности развития пространства с динамикой экономического роста (на глобальном, национальном и региональном уровнях).

В то же время, несмотря на происходившую в экономической науке на протяжении XIX—XX вв. трансформацию понимания пространства, нельзя сказать, что его наиболее ранние трактовки являются в настоящее время неактуальными. Наоборот, с одной стороны, более поздние теоретические концепции основываются преимущественно на положениях «старых» теорий (например, в основе НЭГ лежит пространственная модель И. Тюнена), с другой, — современные исследователи зачастую в своих рассуждениях опираются на подходы «классических» авторов — А. Вебера (теория размещения производства) (Guimarães, Figueiredo, & Woodward, 2000; Glaeser, Kohlhase, 2003), Т. Хегерстранда (пространственной диффузии инноваций) (Saras, 2005; Agrawal, Kapur, & McHale, 2008; Breschi, & Lissoni, 2009) и др.

Соответственно, учитывая сложившуюся практику преемственности определений, в настоящее время понятие «пространство» используется учеными в социально-экономической сфере в достаточно широком контексте. Это положение требует более тщательного анализа, позволяющего выделить отдельные подходы к теоретико-методологическому осмыслению рассматриваемого явления.

Так, по нашему мнению, в настоящее время можно наблюдать оформление нового этапа эволюции категории пространства, характеризующегося его (пространства) широким охватом большинства направлений современной экономической теории, в частности, поведенческой, институциональной экономики, финансов, экономики природопользования и т.д. При этом представления о пространстве, сформировавшиеся в процессе эволюции экономической теории в разные периоды времени, в различном виде сохраняются и присутствуют во взглядах современных эконо-

местов. Таким образом, на примере категории пространства мы можем наблюдать справедливость тезиса о том, что экономическая наука развивается не поступательно вместе с обществом, отказываясь от старых взглядов и объяснений тех или иных явлений в пользу новых. Так, в настоящее время в экономической литературе «уживаются» современные представления о «пространстве» с представлениями о нем, соответствующими взглядам XIX–XX вв. Одновременное (параллельное) существование «старых» и современных представлений, по нашему мнению, может быть объяснено, с одной стороны, тем, что любые представления связаны с конкретными экономическими теориями как системами представлений о природе каких-то явлений и процессов, сохраняющими свою актуальность на протяжении рассматриваемого исторического периода. С другой стороны, это относится к характерным чертам социальных наук, в которых верификация утверждений затруднена в силу специфики объекта исследований, которым является общество.

Методика исследования

Для обоснования подходов к определению понятия «пространство» в современной научной литературе нами был проведен семантический анализ текстов публикаций, размещенных на платформе «Web of Science» (Core Collection), объединяющей реферативные базы данных публикаций в отечественных и зарубежных научных журналах. Выбор платформы (между «WoS», «Scopus» и «eLibrary.Ru») обуславливался более длинным временным рядом сбора публикаций и, как следствие, большим количественным охватом публикаций, а также возможностью более точной категоризации поисковой тематики относительно разделов научного знания. В то же время используемый нами подход имеет существенное ограничение, заключающееся в низкой доле представленности русскоязычных работ отечественных ученых (по сравнению с «eLibrary.Ru»), однако нами было принято решение не добавлять в анализ данные платформы «eLibrary.Ru» для избежания риска двойного учета одной публикации (в случае если она представлена на обеих платформах).

Выгрузка данных из платформы «Web of Science» осуществлялась по поисковому запросу «space», по теме исследования, включающей поиск в заголовках статей, аннотации и ключевых словах. Период публикаций: с 1975 по 2022 г. Было также установлено ограничение по тематике исследования — «Экономика». Всего по заявленным параметрам было найдено 12 453 публикации.

Непосредственный анализ проводился в программе VOSviewer, используемой для построения и визуализации библиометрических сетей. В настоящее время программа VOSviewer приобретает все большую популярность в исследованиях как зарубежных, так и отечественных ученых.

По данным сайта ScienceDirect, с 2016 г. количество публикаций, в которых использовалась данное программное обеспечение, ежегодно удваивается (с 26 работ в 2016 г. до 456 в 2022 г.). При этом 36% всех публикаций (610 из 1714), где был проведен анализ с помощью программы VOSviewer, относились к типу обзорных, что соответствует целям нашего исследования. Выбор данного инструментария обосновывается его доступностью, простотой и удобством работы с данными и результатами их обработки (встроенная функция нормализации данных, назначение узлов сети кластерам, функции масштабирования и панорамирования и проч.), скоростью обработки данных, гибкостью подходов к работе с различными базами данных. Для повышения обоснованности результатов исследования и ограничения влияния случайной компоненты мы установили пороговое значение частоты использования ключевого слова, равное 7. В настоящее время разработчики программы не рекомендуют единого, универсального порогового значения количества повторяющихся ключевых слов. Как показывает практика, исследователи самостоятельно выбирают данный критерий, опираясь на выгруженные из реферативной базы данных результаты (количество публикаций по запросу, количество повторяющихся ключевых слов в публикациях, необходимость создания тезауруса и т.д.) (Van Eck et al., 2010; Van Eck, & Waltman, 2014; Watad et al., 2017). В результате из 31 366 ключевых слов осталось 1270, которые соответствовали пороговому значению.

По умолчанию, на основе алгоритма интеллектуального локального перемещения (Waltman, Van Eck, 2013), все ключевые слова распределяются программой VOSviewer по кластерам. Внутри последних нами были выделены подгруппы слов, критерием распределения которых являлся характер их отношения к категории пространства: теоретический (название определенных концепций, теорий или теоретических моделей), методический (конкретные методы исследования категории пространства), объектный (указание конкретных пространственных объектов — регионов, агломераций, городов, и т.д.), динамико-результативный (описание процесса динамики развития пространства). Обратим внимание, что не во всех кластерах, сформированных программным инструментарием, были определены соответствующие подгруппы (в связи с этим на рис. 2 в части подходов отсутствуют некоторые элементы подгрупп).

Результаты исследования

Проведенный анализ позволил выделить семь теоретических подходов к пониманию явления «пространства» (рис. 2), отражающих, с одной стороны, отдельные области его применения; с другой — преемственность с теми или иными историческими этапами эволюции представлений о пространстве (рис. 1).

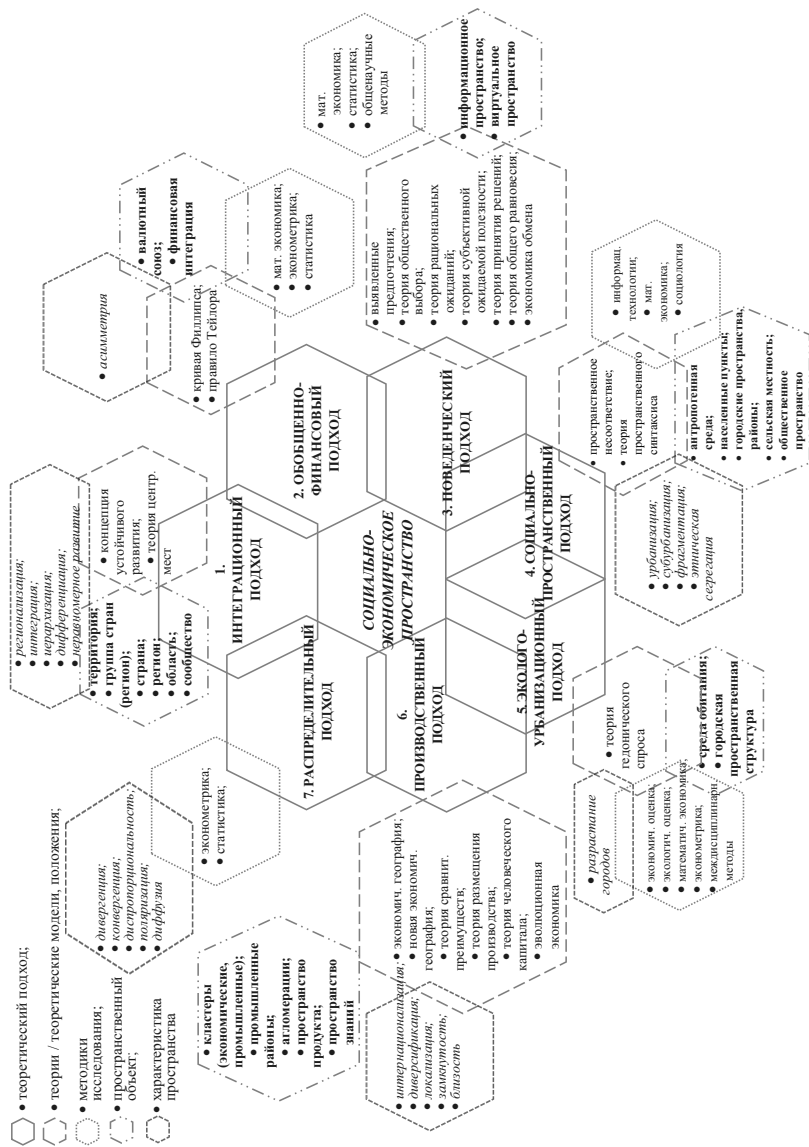

Рис. 2. Семантический анализ «пространства» в социально-экономических исследованиях

Источник: составлено по данным Web of Science (поисковый запрос: «space»); инструментарий: VOSviewer, метод: Keyword Co-occurrence.

Первый подход, условно названный интеграционным, определяется представлением о пространстве как совокупности *социально-экономических отношений*, складывающихся внутри *национальных социальных институтов*, а также между *национальными и международными (наднациональными) институтами*. Сферой взаимодействия данных институтов являются преимущественно вопросы распределения *финансовых потоков*, а также импортирование идеологий. В свою очередь результатом рассматриваемых отношений становятся *интеграционные и иерархизированные* пространственные структуры, например, создание и функционирование сообществ в рамках реализации политики партисипаторного бюджетирования (национальный уровень), а также образование группы стран, определяемых как развитые и развивающиеся (наднациональный уровень).

Второй подход — «обобщенно-финансовый», в котором под пространством понимается система интеграционных *национальных и наднациональных социально-экономических отношений* между органами *финансового регулирования отдельных стран*, а также между участниками финансового рынка. Указанные отношения возникают в процессе реализации денежно-кредитной и инвестиционной политики, принимаемой на уровне государств и отдельных предприятий. Примером формы выражения данных отношений являются валютные союзы, финансовые интеграции и т.д.

В рамках третьего «поведенческого» подхода пространство характеризуется совокупностью социально-экономических отношений, возникающих в процессе *взаимодействия индивидов внутри социальных институтов* и между ними. В рамках данного подхода одной из возможных форм рассматриваемого явления может быть информационное пространство.

Четвертый подход — «социально-пространственный», когда пространство представляется как *физическое место в границах населенного пункта* (отдельные районы города, город или поселок в целом), в рамках которого между экономическими агентами осуществляется совокупность социально-экономических отношений, складывающихся в процессе организации и использования последними объектов инфраструктуры (транспортной, социальной, рыночной). В качестве примера здесь можно назвать следующие формы пространства: населенные пункты, общественные пространства города, районы города и т.д.

Пятый подход — «эколого-урабанизационный». В данном подходе пространство трактуется как *географически определенная антропоэкологическая система*, внутри которой между *экономическими агентами* устанавливаются *социально-экономические отношения*, формирующиеся под воздействием реализации *социальной политики* (государственной, региональной муниципальной, а также частной (в рамках КСО)). Формами исполнения пространства здесь, так же как и в «социально-пространственном» под-

ходе, являются *населенные пункты*, общественные *пространства города*, *районы города* и т.д. Однако последние будут рассматриваться с точки зрения оценки качества жизни проживающего в них населения, уровня благоустройства местности, особенностей ее экологического развития (энергоэффективности хозяйствования, качественных характеристик воздуха, воды и почвы, качества землепользования и т.д.).

Шестой подход — «*производственный*», опирается на понимание «пространства» как совокупности *социально-экономических отношений*, возникающих между группой *экономических агентов*, обеспечивающих реализацию деятельности предприятий (промышленности и сельского хозяйства). Ключевыми принципами указанных отношений являются *территориальная близость* (не относится к пространству продукта) и *функциональная зависимость*. Наиболее показательными формами пространства в рамках «производственного» подхода выступают *экономические кластеры* и *промышленные районы*.

Седьмой, «распределительный» подход акцентирует внимание на неравномерности динамики социально-экономического развития пространства. Объектом анализа здесь являются все формы, указанные в подходах 1–6, однако предмет сосредоточен на социально-экономических отношениях, возникающих между экономическими агентами в процессе распределения экономических ресурсов, а также результатов труда.

Таким образом, смысловой анализ понятия пространства, используемого в рамках конкретных подходов, сохраняет преемственность с конкретными этапами его эволюции. Так, основные характеристики пространства (локальность / открытость, иерархичность, многомерность и др.) в тех или иных подходах заимствуются из предшествующих этапов. «Экспансия» трактовки понятия пространства в настоящее время связана с дальнейшим уточнением характера и условий функционирования объектов экономических исследований: финансовых рынков, поведения населения, программ развития международных организаций и т.п. Таким образом, гипотеза о смысловой преемственности пространства была подтверждена проведенным семантическим анализом.

Относительно количественных характеристик выделенных подходов технический анализ выгруженных публикаций позволяет сделать вывод о том, что к настоящему времени в научной литературе в наибольшей степени распространен интеграционный подход, к нему относится более 20% научных публикаций. Здесь же наиболее высокий показатель цитируемости (нормированный по возрасту публикации) — 1,79. Далее, 18% исследований проведены в ключе поведенческого подхода; при этом здесь самая низкая (по сравнению с прочими подходами) цитируемость — 0,81. На долю обобщенно-финансового, социально-пространственного и производственного подходов относится около 15% работ (отдельно на каждый). При этом у публикаций, выполненных в аспекте социально-про-

странственного подхода, одно из самых высоких значений количества цитирований — 1,77; у производственного подхода — 1,56, обобщенно-финансового — 1,45. 11% исследований относятся к эколого-урабанизационному подходу. Несмотря на меньший, по сравнению с прочими подходами, объем публикаций, среднее количество цитирований здесь ненамного ниже, чем в первом и четвертом подходах, — 1,62. Наименее распространенным является распределительный подход, на него приходится в среднем около 3% опубликованных исследований, количество цитирований здесь фиксируется на уровне 1,37 (что немного ниже, чем в обобщенно-финансовом подходе).

Заключение

Таким образом, полученные результаты исследования позволили сделать ряд выводов.

Во-первых, с начала прошлого века в экономической науке явление пространства, с одной стороны, в существенной степени подверглось трансформации, с другой, — преобразования не носили диссоциативный и отрицательный (в отношении отдельных элементов) характер, а скорее, представляли собой синтез подходов, заключающийся в большей конкретизации и одновременно усложнении (расширении) понятия. Так, несмотря на преобладание в современной науке подхода, предлагаемого авторами новой экономической географии, в работах (и в основе НЭГ) до настоящего времени используются теоретические модели, предложенные А. Вебером, А. Лёшем, Т. Хегерстрандом и др.

Во-вторых, синтетический курс в научном осмыслении пространства способствовал формированию к настоящему времени большого числа подходов к исследованию пространственных социально-экономических явлений. С помощью семантического анализа публикаций нами были выявлены семь основных подходов: интеграционный, обобщенно-финансовый, поведенческий, социально-пространственный, эколого-урабанизационный, производственный и распределительный. Критерием для выделения подхода являлся описываемый им характер социально-экономических отношений, формируемый экономическими агентами, а также процессами, которые данные агенты реализуют в различных пространствах (как реальных, например, пространствах предприятий или в регионе, так и виртуальных, например, финансовой интеграции).

В-третьих, в целом, можно заключить, что современная концепция социально-экономического пространства не ограничивается описанием отдельных явлений и процессов, происходящих в пределах некоторых территорий; она позволяет более широко описать взаимодействие социальных и экономических агентов в транслокационном аспекте (Григоричев, 2013) (в том числе и временном).

Список литературы

Анимица, Е. Г., & Сурнина, Н. М. (2006). Экономическое пространство России: проблемы и перспективы. *Экономика региона*, 3, 34–46.

Гранберг, А. Г. (2003). *Основы региональной экономики*. Гос. ун-т Высш. шк. экономики. 3-е изд. М.: ГУ ВШЭ.

Григоричев, К. В. (2013). *В тени большого города: социальное пространство пригорода*. Монография. Иркутск: Оттиск.

Зубаревич, Н. В. (2020). Возможности и ограничения количественной оценки факторов экономического развития российских регионов. *Журнал Новой экономической ассоциации*, 2(46), 158–167. <https://doi.org/10.31737/2221-2264-2020-46-2-8>

Колосовский, Н. Н. (1969). *Теория экономического районирования*. М.: Мысль.

Лёш, А. (2007). *Пространственная организация хозяйства* / под ред. А. Г. Гранберга; пер. с нем. В. Н. Стрелецкого; Российская акад. наук, Гос. науч.-исслед. учреждение «Совет по изучению производительных сил». М.: Наука.

Минакир, П. А., & Демьяненко, А. Н. (2014). *Очерки по пространственной экономике* / отв. ред. В. М. Полтерович; Рос. акад. наук, Дальневост. отд-ние, Ин-т экон. исследований. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН.

Ныммик, С. (1981). *Пространственные законы общества и социально-экономическая география. Методология и методы изучения социально-экономических территориальных систем*. Ученые записки Тартуского государственного университета.

Перру, Ф. (2007). Экономическое пространство: теория и приложения: пер. А. П. Горюнова. *Пространственная экономика*, 2, 77–93 (перевод с оригинала статьи: Perroux, F. (1950). Economic Space Theory and Applications. *Quarterly Journal of Economics*, 64, 89–104).

Саушкин, Ю. Г. (1973). *Экономическая география. История, теория, методы, практика*. М.: Мысль.

Скуфьина, Т. П. (2013). Социально-экономическая дифференциация пространства: противоречия теории и практики регулирования. *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*, 6(30), 60–68.

Суспицын, С. А. (2006). Пространственные трансформации экономики России в контрастных сценариях ее развития: постановка проблемы и эмпирические оценки. *Регион: Экономика и Социология*, 1, 51–71.

Трансформация социально-экономического пространства региона: методология и практика. (2020). Монография / под общ. ред. д-ра экон. наук, проф. Р. Ф. Гатаулли-на. Уфа: ИСЭИ УФИЦ РАН.

Тюнен, И. Г. (1926). *Изолированное государство*: пер. Е. А. Торнеус; под ред. и с предисл. проф. А. А. Рыбникова. М.: Экономическая жизнь.

World Development Report 2009: Reshaping Economic Geography. (2009). World Bank. World Bank. [Electronic access]. Retrieved March, 22, 2022, from <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/5991> License: CC BY 3.0 IGO

Agrawal, A., Kapur, D., & McHale, J. (2008). How do spatial and social proximity influence knowledge flows? Evidence from patent data. *Journal of Urban Economics*, 64(2), 258–269. <https://doi.org/10.1016/j.jue.2008.01.003>

Ando, A. W., & Baylis, K. (2014). *Spatial Environmental and Natural Resource Economics*. In: Fischer M., Nijkamp P. (eds) *Handbook of Regional Science*. Berlin, Heidelberg: Springer (p. 1029–1048). https://doi.org/10.1007/978-3-642-23430-9_53

Blaug, M. (1979). The German hegemony of location theory: a puzzle in the history of economic thought. *History of Political Economy*, 11(1), 21–29. <https://doi.org/10.1215/00182702-11-1-21>

Boudeville, J. (1968). *L'espace et les pôles de croissance. Recherches et textes fondamentaux sous la direction de J.-R. Boudeville avec la collaboration de S. Antoine, O. Guichard, L. H. Klaassen, J. Klatzmann, J. Labasse, J. Lesourne, L. Malassis, P. Massé, J. Paelinck, F. Perroux, M. A. Prost, M. Rochefort, F. Rosenfeld, G. Weill Préface de O. Guichard Bibliothèque d'économie contemporaine*. Etudes I. S. E. A. Paris: Presses Universitaires de France.

Boudeville, J. (1966). *Problems of Regional Economic Planning*. Edinburgh. At the University Press.

Breschi, S., & Lissoni, F. (2009). Mobility of skilled workers and co-invention networks: an anatomy of localized knowledge flows. *Journal of Economic Geography*, 9(4), 439–468. <https://doi.org/10.1093/jeg/lbp008>

Ekelund, R. B., & Shieh, Y. (1986). Dupuit Spatial Economics and Optimal Resource Allocation: A French Tradition. *Economica*, 53, 212, 483–96. <https://doi.org/10.2307/2554098>

Elburz, Z., Kourtit, K., & Nijkamp, P. (2021). Urban Resilience and Spatial Economics. *Spatial Economics*, II, Palgrave Macmillan. Cham. (p. 3–34). https://doi.org/10.1007/978-3-030-40094-1_1

Enke, S. (1942). Space and Value. *The Quarterly Journal of Economics*, 56(4), 627–637. <https://doi.org/10.2307/1883413>

Fujita, M., Krugman, P. R., & Venables, A. J. et al. (1999). *The Spatial Economy: Cities, Regions and International trade*. Cambridge, MA: MIT Press.

Glaeser, E. L., & Kohlhase, J. E. (2003). Cities, regions and the decline of transport costs. *Papers in Regional Science*, 83(1), 197–228. <https://doi.org/10.1007/s10110-003-0183-x>

Guimaraes, P., Figueiredo, O., Woodward, D. (2000). Agglomeration and the Location of Foreign Direct Investment in Portugal. *Journal of Urban Economics*, 47(1), 115–135. <https://doi.org/10.1006/juec.1999.2138>

Hebert, R. F. (1981). Richard Cantillon's Early Contributions to Spatial Economics. *Economica*, 48(189), 71–77. <https://doi.org/10.2307/2552944>

Isard, W. (1956). *Location and space-economy: a general theory relating to industrial location, market areas, land use, trade, and urban structure*. New York Chapman & Hall, Ltd. London: The Technology Press of Massachusetts Institute of Technology John Wiley & Sons, Inc.

Isard, W. (1949). The General Theory of Location and Space-Economy. *The Quarterly Journal of Economics*, 63(4), 476–506. <https://doi.org/10.2307/1882135>

Krugman, P. (1993). First nature, second nature, and metropolitan location. *Journal of Regional Science*, 33(2), 129–144.

Lin, J., & Rauch, F. (2020). What future for history dependence in spatial economics? *Regional Science and Urban Economics*, in Press. <https://doi.org/10.1016/j.regsciurbeco.2020.103628>

O'Loughlin, J., Toal, G., & Chamberlain-Creangă, R. (2013). Divided Space, Divided Attitudes? Comparing the Republics of Moldova and Pridnestrovie (Transnistria) Using Simultaneous Surveys. World Bank. *The Eurasian Geography and Economics*, 54(2). [Electronic access]. Retrieved April, 5, 2022, from <http://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/3.0/igo/>

Perroux, F. (1950). Economic Space Theory and applications. *Quarterly Journal of Economics*, 64, 89–104.

Ponsard, C. (1983). *History of Spatial Economic Theory*. Springer. Berlin, Heidelberg. <https://doi.org/10.1007/978-3-642-82125-7>

- Ramesh, S. (2017). *Spatial Economics: Theoretical Framework*. In: *China's Lessons for India*. Cham: Palgrave Macmillan. https://doi.org/10.1007/978-3-319-58112-5_5
- Saras, D. (2005). Sarasvathy; Nicholas Dew. *New market creation through transformation*, 15(5), 533–565. <https://doi.org/10.1007/s00191-005-0264-x>
- Van Eck, N. J., Waltman, L., Dekker, R., & Van den Berg, J. (2010). A comparison of two techniques for bibliometric mapping: multidimensional scaling and VOS. *Journal of the American Society for Information Science and Technology*, 61(12), 2405–2416. <https://doi.org/10.1002/asi.21421>
- Van Eck, N. J., & Waltman, L. (2014) *Visualizing Bibliometric Networks*. In: Ding, Y., Rousseau, R., Wolfram, D. (eds). Cham: Springer. Measuring Scholarly Impact (p. 285–320). https://doi.org/10.1007/978-3-319-10377-8_13
- Waltman, L., & Van Eck, N. J. (2013). A smart local moving algorithm for large-scale modularity-based community detection. *The European Physical Journal (EPJ)*, 86(473), 1–14, <https://doi.org/10.1140/epjb/e2013-40829-0>
- Watad, A., Bragazzi, N. L., Adawi, M., Amital, H., Kivity, S., Mahroum, N., Blank, M., & Shoenfeld, Y. (2017). Is autoimmunology a discipline of its own? A big data-based bibliometric and scientometric analyses. *Autoimmunity*, 50(4), 269–274. <https://doi.org/10.1080/08916934.2017.1305361>
- Weber, A. (1929). *Theory of the location*. Chicago. Illinois. USA. The university of Chicago press.
- Wilson, J. (2011). Colonising Space: The New Economic Geography in Theory and Practice. *New Political Economy*, 16, 373–397. <https://doi.org/10.1080/13563467.2010.504299>

References

- Animica, E. G., & Surnina, N. M. (2006). Russian Economic Space: Problems and Prospects. *Economy of Region*, 3, 34–46.
- Granberg, A. G. (2003). *Fundamentals of Regional Economics*. M.: NRU HSE.
- Grigorichev, K. V. (2013). *In the shadow of the big city: the social space of the suburbs*. Irkutsk: Ottisk.
- Zubarevich, N. V. (2020). Opportunities and limitations of quantitative assessment of factors of economic development of Russian regions. *Zhournal Novoi Ekonomicheskoi Assotsiatsii*, 2(46), 158–167. <https://doi.org/10.31737/2221-2264-2020-46-2-8>
- Kolosovskij, N. N. (1969). *Economic zoning theory*. M.: Mysl'.
- Lyosh, A. (2007). *Spatial organization of the economy*. A. G. Granberg (ed.); [V. N. Streleckij (transl. from German)]; Russian Academy. Sciences, State. scientific research establishment of the “Council for the Study of Productive Forces”. M.: Nauka.
- Minakir, P. A., & Dem'yanenko, A. N. (2014). *Essays on Spatial Economics*. V. M. Polterovich (ed.); Russian Academy of Sciences, Dalnevost. Department, Institute of Economic Research. Khabarovsk.
- Nymmik, S. (1981). *Spatial laws of society and socio-economic geography. Methodology and methods for studying socio-economic territorial systems*. Academic Notes of Tartu State University.
- Perru, F. (2007). Economic space: theory and applications (transl. A. P. Goryunov). *Spatial Economics*, 2, 77–93. (transl.: Perroux, F. (1950). *Economic Space Theory and Applications*. *Quarterly Journal of Economics*, 64, 89–104).
- Saushkin, Yu. G. (1973). *Economical geography. History, theory, methods, practice*. M.: Mysl'.

Skufina, T. P. (2013). Socio-economic differentiation of space: inconsistencies between the theory and regulation practice. *Economic and social changes: facts, trends, forecast*, 6(30), 60–68.

Suspicyan, S. A. (2006). Spatial Transformations of the Russian Economy in Contrasting Scenarios of Its Development: Statement of the Problem and Empirical Estimates. *Region: Economics and Sociology*, 1, 51–71.

Transformation of the socio-economic space of the region: methodology and practice. (2020). R. F. Gataullin (ed.). Ufa: The Institute for Socio-Economic Research is a separate structural subdivision of the Federal State Budgetary Scientific Institution of the Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences.

Tyunen, I. G. (1926). *Isolated state*. E. A. Torneus (transl.); A. A. Rybnikova (ed.). M.: Ekonomicheskaya zhizn'.